ISSN 0130-7673

НОВЫЙ МИР

10

2015

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Конечно же, это — чудо: голые деревья, серая весенняя земля, еще неприбранная, со всяким хламом да дрямом; и этот алый живой огонек, словно знак весны и добрый привет грядущего лета».

- Борис Екимов
  - ○

Борис Екимов
«КАКОЕ У НАС ЧУДО!..»

Внук Митя живет с родителями в доме многолюдном, пятиэтажном. За окнами — шумная улица, в невеликом дворе — толчея автомобильная: приезжают, уезжают, настырные — лезут на тротуар, к ступеням подъезда. Обычное житье городское.

На подворье, к нашему дому, саду и огороду Митя приходит ли, приезжает не всякий день, особенно в ненастную пору осени да зимы. И потому весна для него — жданный праздник.

Помню одну из весен. Подъехали ко двору. Митя, конечно, первым из машины выскочил и умчался. Вдруг слышу крик его, истошный:

— Дедушка, иди скорей!!

Я встревожился:

— Что там?..

— Иди сюда! Посмотри, какое у нас чудо!

Подошел я. Митя стоит возле нерасчищенной клумбы, на которой, еще реденько, там и здесь, вылезли первые тюльпаны, пока лишь зелень бутонов. Но один из них поспешил и раскрылся. Сияют под солнцем алые лепестки.

— Ты видишь, какое чудо?!

— Вижу, милый. Спасибо.

Конечно же, это — чудо: голые деревья, серая весенняя земля, еще неприбранная, со всяким хламом да дрямом; и этот алый живой огонек, словно знак весны и добрый привет грядущего лета.

Через неделю — новый приезд. Снова Митя помчался бегом, выпрыгнув из машины, и слышу тот же отчаянный ли, восторженный зов:

— Дедушка, иди скорей!!

Подхожу. Глаза у внука сияют.

— Ты видишь, какое большое чудо!

— Да, да… — соглашаюсь. — Большое…

— Один, два, три, четыре, пять… — считает Митя. — Вот их теперь сколько!

Это расцвели все тюльпаны. Невеликая клумба. Но поднялись, раскрылись: алые, желтые, лазоревые… Нежность молодых лепестков, сияние капель росы, угольно-черный крап тычинок. Конечно же, чудо. Одно из многих и многих. Здесь, в невеликом нашем дворе, возле дома. Особенно в теплую пору.

Весною да летом утренний обход подворья всегда в радость.

Новый день — словно новая жизнь; каждый шаг — изумленье.

Простой репешок, что самосевом поднялся возле бетонной дорожки: зеленый столбик, унизанный желтыми, золотистыми в солнце цветами. И откуда он взялся? Бог послал. Стоит, цветет, радует. Разве не чудо?

Ранним утром так хороши, так душисты заросли зорьки, усыпанные алыми, розовыми, желтыми цветами — «граммофончиками». Они раскрываются поздно вечером. Их время — ночь и раннее утро. Нежный цвет, сладкий дух, который вот-вот пропадет, развеется, когда под лучами жаркого солнца цветы закроются, сберегая нежную плоть. Не навсегда. До вечера.

Утренний обход просторного подворья долог. Огородные грядки, на которых много всего, чтобы поглядеть, похрустеть, посладиться. В свою пору вишневые, белые облака цвета. А потом рдяная занавесь ягод. Абрикосы. Особенно в пору спелости золотых, тяжелых, пахучих плодов, с прохладной поутру и дневной горячей, солнечной плотью. Виноград… И старинные груши — «дулины»: «черномяски» да баргамоты.

— Сколько много всего! — когда-то восторженно возглашал еще совсем малый внук Митя.

Теперь и я повторю: «Сколько много всего…» Если глядеть и видеть.

Вот по своим делам пробирается садовая улитка. Их много в последние годы у нас развелось. На дорожках, на заборе, на стенах дома, на всей зелени, даже на деревья залезть ухитряются. Совсем малая, тихая животина. И не всегда приметная: серый панцирь — и только. Но сейчас улитка куда-то стремится, ползет и потому вся наружу: серо-жемчужное нежное продолговатое тельце, точеная головка с рожками и усиками; на спине — витой твердый панцирь — домик ее, защита. Помаленьку ползет, усиками, рожками шевелит, меня не боится.

Присел возле нее, стал смотреть, все более изумляясь и радуясь красоте совершенной, нежной и хрупкой, словно человеческой детской.

Вот она, одолев лишь ей ведомый путь, силится перебраться с одного зеленого листа на соседний: вытягивает свое гибкое тельце, но — тщетно… Прихожу ей на выручку, подставляю ладонь. Улитка принимает подмогу, продолжая свой путь по руке. Она не ползет, но словно плывет, ритмично колеблясь нежным тельцем своим. Так близко, рядом с лицом моим — изящная головка, точеные рожки, гибкие усики, малые бусинки глаз, жемчужная, в мягком сиянии, трепетная, студенистая плоть живого творенья. Малого, но всем родного: земле, небу и мне, грешному.

Жаль, что внука Мити нет рядом. Я бы позвал его и сказал: «Смотри… Какое у нас чудо…»

Он бы, конечно, понял меня.